

Пока эта группа людей скрывалась в безвестной горной деревне, восстанавливая силы, новость о том, что Цинь Шань снова вышел в Цзянху и под носом у Зала Властного Клинка заразил половину учеников школ боевых искусств Гу, пресекающим жизнь, быстро разнеслась повсюду. Зал Властного Клинка, конечно, потерял лицо, но и дурная слава Цинь Шаня стала ещё громче. Особенно после того, как супруги Сяо И, чудом избежавшие когтей демона, вернулись, заставив ещё больше людей возненавидеть этого главаря демонов.

Ци Жолань умерла от трудов, будучи раненой Цинь Шанем. Сяо И, прижимая к груди ребёнка, поклялся, что не остановится, пока Цинь Шань не погибнет.

С этого момента бушующая буря, вызванная Цинь Шанем, становилась всё сильнее, награды за его голову в Цзянху появлялись одна за другой, самая высокая достигла ста лянов золота. Вместе с тем, при императорском дворе также тайно заволновались из-за новости о возвращении Цинь Шаня.

За полночь в столице.

Восемьдесят восемь быстрых коней с восьмьюдесятью восьмью мастерами выехали из города ночью.

Из тех, кто смог живым покинуть столицу, было меньше половины.

А тех, кто смог добраться до Цзяннани, осталось менее тридцати процентов.

И в конечном итоге, те, кто смог лично увидеть Цинь Шаня, возможно, не составили и одной-двух десятых долей.

Зная, что впереди опасность, эти смертники всё же выбрали этот путь без возврата. Потому что последняя надежда на горы и реки Великой Ци должна быть лично вручена в руки этого человека!

А что же делал Цинь Шань, пока весь Цзянху и императорский двор переворачивали небо и землю из-за него?

Цинь Шань ловил рыбу.

Это была привычка, которую он выработал после отъезда из Цзяннани: брать удочку, когда о чём-нибудь думал. Когда-то ему говорили, что рыбалка требует терпения.

— Рыбалка — дело сугубо техническое, старина Цинь! — однажды во время разговора внезапно выдал Ци Жован.

— Что ты подразумеваешь под мастерством?

Прожив вместе больше года, Цинь Шань уже привык, что изо рта этого человека вылезает всё больше странных слов.

— В общем, это ремесло, которое позволяет восстановить силы и воспитать характер, а ещё закалить терпение, — Ци Жован плюхнулся рядом с ним. — Когда я был маленьким и не желал учиться играть на цитре, мать таскала меня на рыбалку. Если не ловил — не ел. Я тогда нервничал, яростно размахивал удочкой. Но знаешь, в рыбалке чем больше спешки, тем больше пустоты.

— Поэтому, старина Цинь, если ты о чём-нибудь задумаешься, почему бы сначала не сходить к озеру с удочкой? Возможно, не только дело обдумаешь, но и вкусную еду добыть? Как, идея неплохая?

— Возможно.

Цинь Шань тогда серьёзно обдумал это предложение. А на следующий день рядом с площадкой перед их пещерой, откуда ни возьмись, появился пруд.

Пруд, хоть и простой, был оснащён всем необходимым: несколько жирных рыб в нём плавали бесцельно, совершенно не осознавая, что скоро станут блюдом на столе, а рядом уже были разложены удочки и наживка. Оставалось только вывесить табличку с надписью «Прошу удить». Следы ночных работ ещё не остыли, и вода в пруду ещё сохраняла запах характерной для горной местности свежей травы.

Лицо Цинь Шаня стало железно-зелёным. Увидев это, Ци Жован громко рассмеялся.

— Скажи, если в следующий раз ты скажешь, что хочешь покататься на лошади, не построит ли он для тебя ипподром на вершине горы? Ха-ха, я даже могу представить будущее, где ученики Безымянной долины будут работать как волов и лошадей.

Цинь Шань взмахнул рукавом и ушёл.

— Не уходи же, послушай! Я говорю, у этого Янь Мобэя настоящий потенциал поджечь сигнальные огни, чтобы позабавиться феодалами! Правда!

...

Вспоминая то прошлое, в сердце Цинь Шаня царило странное спокойствие, и иногда он даже скучал по жизни в Безымянной долине. Те три года заключения и его предыдущие двадцать с лишним лет, когда он жил только ради мести, казались двумя разными мирами. Тот Цинь Шань, который знал только месть, в трёхлетней жизни пленника медленно сточил свою свирепость и попытался научиться быть по-настоящему живым человеком. В его мире, помимо мести, холодных правил и кандалов, впервые появились другие вещи.

Цинь Шань поглаживал удочку в руке. Пу Цуньси говорил, что он изменился, и на самом деле не ошибался. Даже нынешний Цинь Шань чувствовал, что в его действиях уже нет прежней беспощадной решимости. Иначе в тот день люди из Терема Ниньюэ давно бы лишились жизни, а не висели бы на волоске, находясь в его руках.

Только не известно, хорошо это изменение или плохо.

Когда он задумался, пальцы Цинь Шаня, сжимавшие удочку, застыли. Он опустил голову, глядя на поверхность реки перед собой, словно желая увидеть, клюнула ли рыба. И в тот момент, когда он опустил голову, левая рука метнула скрытое оружие в рощу за спиной. Когда Цинь Шань взял второе скрытое оружие, из рощи раздался удивлённый вскрик.

— Эй, погоди, не бей, это я, это я!

Человек, с головой покрытой листьями, спрыгнул с дерева. В него всё ещё было воткнуто одно скрытое оружие Цинь Шаня, щёта была небритой, видно, что несколько ночей он не мог нормально спать. Однако, когда Цинь Шань посмотрел на него, тот постарался принять достойный вид, чтобы скрыть своё неловкое положение и убогость.

— Давно не виделись, господин командующий, вы всё так же красивы и свободны, как в те годы, и ваша аура ничуть не уменьшилась.

Цинь Шань посмотрел на него и безошибочно назвал имя этого человека.

— Си Чэньшуй.

У Си Чэньшуя задняя часть шеи напряглась, и почему-то ему стало страшно.

— Я, я, я я ничего не делал! То дело, когда вас подставили, всё задумали Янь Мобэй и Вань Чэнсюань, ваш младший ученик тоже знал! Я обнаружил это только после того, как они начали действовать, хотел остановить, но не успевал...

Он видел, что глаза Цинь Шаня становились всё холоднее, и в конце концов плюхнулся на землю.

— В общем, теперь я тоже подхватил Гу, пресекающий жизнь, и моя жизнь тоже в ваших руках! Хотите убить или резать, как угодно, давайте!

Он действительно выглядел героем, готовым к смерти, если бы не глаза, которые постоянно косились вверх. Цинь Шань чуть было не поверил.

Он убрал скрытое оружие.

— Твоя жизнь не в моих руках.

— А, что это значит? — Си Чэньшуй опешил. Он посмотрел на Цинь Шаня, увидел, что тот как всегда бесстрастен, только в глазах появилось несколько долей насмешки и издевательства. В следующее мгновение Си Чэньшуй словно понял.

— Не может быть! Вы хотите сказать, что я, что я не подхватил Гу, пресекающий жизнь? Разве вы не подмешали лекарство в вино и воду?

Цинь Шань не ответил на его вопрос, вместо этого спросив:

— С какого момента ты следуешь за мной?

Будучи спрошенным так, Си Чэньшуй почему-то почувствовал слабость. С момента дела на горе Шаоши в прошлом, всякий раз, когда Си Чэньшуй вспоминал Цинь Шаня, в нём всегда появлялось немного вины.

— В, вот как только вы покинули Терем Нинъюэ, я всё время шёл следом. Только не волнуйтесь, по дороге никто больше не преследовал, иногда появлялись какие-то люди, но я их отпугивал подделанными следами. Больше никто не знает этого места.

Слова Си Чэньшуя Цинь Шань поверил отчасти. «Тревожная Тень» — это не пустой звук. Искусство лёгкости и скрытности Си Чэньшуя в Поднебесной не имеет себе равных.

— В таком случае, ты не принял Пилюли продления из рук Ю Сяои?

— Я же торопился вас догнать, мне некогда было просить лекарство у Ю Сяои, к тому же... раз нашёл вас, разве не будет всего, что нужно? — Си Чэньшуй не договорил, увидев, что Цинь Шань смотрит на него с полуулыбкой.

Он услышал, как Цинь Шань сказал:

— Ты оказался в выигрыше из-за несчастья.

В выигрыше из-за несчастья, в выигрыше из-за несчастья? Что это значит?

Спустя полминуты Си Чэньшуй о чём-то подумал, и всё его лицо побледнело. Словно для проверки его догадки, Цинь Шань медленно произнёс правду.

— В вине и воде было лишь обыкновенное лекарство, блокирующее внутреннее дыхание. Люди, выпившие вино и воду, лишь на время потеряли упорядоченность дыхания, после короткого отдыха всё наладится. Однако...

Цинь Шань:

— Пятьдесят «Пилюль продления», которые получил Ю Сяои, и были настоящим Гу, пресекающим жизнь.

Яд не был ядом, противоядие не было противоядием.

Услышав правду, Си Чэньшуй весь потерял дар речи, моментально оказавшись в противоречии двух чувств: радости спасения и запоздалого страха. Однако, стоило ему только подумать о самом несчастном Ю Сяои, который был использован Цинь Шанем как нож, чтобы убить человека, даже не зная об этом, в нём поднималось особое чувство превосходства.

Люди всегда так: зная, что ты не самый несчастный, не чувствуешь себя хуже.

— Но зачем вам было делать лишнее, разве не удобнее было сразу подмешать Гу, пресекающий жизнь, в вино и воду? — Си Чэньшуй всё ещё хотел сделать последние попытки.

Цинь Шань спросил:

— Как ты думаешь, какие люди больше всего боятся смерти?

Подмешав лекарство в вино, он не мог гарантировать, что каждый выпьет это вино. А подмешав лекарство в «противоядие», в этом мире, кто больше всего ценит свою жизнь? Конечно, те, кто занимает высокое положение и считает себя бесконечно важным.

Одну фразу Цинь Шань всегда считал очень разумной. Чем выше человек забирается, тем больше он боится смерти и тем легче его использовать. И он хотел через Гу, пресекающее жизнь, контролировать этих имеющих статус и боящихся смерти людей. Конечно, если бы Пу Цуньси мог временно изготовить так много Гу, пресекающего жизнь, он тоже хотел бы раз и навсегда выловить весь Цзянху одной сетью.

<http://bllate.org/book/16875/1555497>